

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 244–254.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 4 (85). P. 244–254.*

Научная статья
УДК 130.3:24
doi: 10.54398/1818-510X.2025.85.4.023

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ТРАДИЦИОННОЙ БУДДИЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Уланов Мерген Санжисевич[✉], Лиджиев Тимуджин Саналович

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста,
Россия

ulanov1974@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6749-7424>
timudzhinlidzhiev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции будущего в рамках традиционной буддийской картины мира. Рассматриваются философские, этические и космологические аспекты буддийского понимания будущего. Особое внимание уделяется учениям о карме, цикличности существования, социоисторическом процессе и идее нирваны как конечной цели духовного пути. Показано, что образ будущего в буддийской картине мира отличается от линейно-прогрессивных моделей, характерных для западной философии и теологии. Он строится на принципах цикличности, этической причинности и трансцендентного освобождения. Будущее в буддизме – это не предопределенная судьба, но поле действия, формируемое кармой и осознанным выбором. Оно включает как потенциал страдания в бесконечных перерождениях сансары, так и возможность выхода за пределы времени через достижение нирваны. Согласно буддизму, каждое будущее рождение определяется кармическим потенциалом, накопленным в предыдущих жизнях. При этом буддизм не рассматривает сансару как наказание, но как следствие непросветленного состояния сознания. Будущее, следовательно, включает в себя не только возможность страдания, но и потенциал для духовного роста. Буддийский взгляд на будущее сочетает в себе глубокую онтологическую рефлексию и практическую этику. Он предлагает альтернативную модель временной реальности, в которой будущее не дано, но создается в каждом моменте сознательной жизни. Это представление сохраняет актуальность в современных дискуссиях о свободе воли, ответственности и смысле человеческого существования.

Ключевые слова: буддизм, будущее, футурология, картина мира, сансара, нирвана, карма, время, перерождение, этика, онтология, Майтрея

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2025-420/6 «Комплексное философское исследование феномена будущего в традиционной буддийской картине мира»).

Для цитирования: Уланов М. С., Лиджиев Т. С. Образ будущего в традиционной буддийской картине мира // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 244–254. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.023>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution”
«Атрибуция» 4.0 Всемирная.

THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE TRADITIONAL BUDDHIST WORLDVIEW

Mergen S. Ulanov[✉], Timudzhin S. Lidzhiev

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova, Elista, Russia

ulanov1974@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6749-7424>
timudzhinlidzhiev@gmail.com

Abstract. This article analyzes the concept of the future within the traditional Buddhist worldview. It examines the philosophical, ethical, and cosmological aspects of the Buddhist

understanding of the future. Particular attention is paid to the teachings of karma, the cyclical nature of existence, the sociohistorical process, and the idea of nirvana as the ultimate goal of the spiritual path. It is shown that the image of the future in the Buddhist worldview differs from the linearly progressive models characteristic of Western philosophy and theology. It is built on the principles of cyclicity, ethical causality, and transcendental liberation. In Buddhism, the future is not a predetermined fate, but a field of action shaped by karma and conscious choice. It encompasses both the potential for suffering in the endless rebirths of samsara and the possibility of transcending time through the attainment of nirvana. According to Buddhism, each future birth is determined by the karmic potential accumulated in previous lives. Buddhism does not view samsara as a punishment, but as a consequence of an unenlightened state of consciousness. The future, therefore, includes not only the possibility of suffering but also the potential for spiritual growth. The Buddhist view of the future combines profound ontological reflection and practical ethics. It offers an alternative model of temporal reality in which the future is not given, but created in every moment of conscious life. This view remains relevant in contemporary discussions of free will, responsibility, and the meaning of human existence.

Keywords: Buddhism, future, samsara, nirvana, karma, time, rebirth, ethics, ontology, Maitreya

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 075-03-2025-420/6 "A comprehensive philosophical study of the phenomenon of the future in the traditional Buddhist picture of the world").

For citation: Ulanov M. S., Lidzhiev T. S. The image of the future in the traditional Buddhist worldview. *Kaspiajskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 4 (85), pp. 244–254. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.85.4.023> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attributon 4.0 International License.

Введение

В начале III тыс. н. э. наблюдается устойчивый рост научного и общественного интереса к проблематике прогнозирования траекторий глобального развития человечества. В рамках междисциплинарного дискурса с участием социологии, философии, политологии, истории, культурологии активно обсуждаются альтернативные модели исторической динамики, каждая из которых опирается на определенный комплекс онтологических и эпистемологических предпосылок.

Центральное место в этих дебатах занимает вопрос о структуре исторического процесса: является ли он однолинейным, т. е. подчиняющимся единому, универсальному вектору прогрессивного развития, в рамках которого все общества проходят сходные стадии, различаясь лишь темпом и временем входа в ту или иную fazu, или же полилинейным, предполагающим множественность автономных, культурно-специфических траекторий, несводимых к единой иерархической шкале «прогресса». В последнем случае цивилизации нередко рассматриваются как социокультурные феномены, чье развитие связано с определенными временными циклами [15].

Построение теории исторического процесса, на наш взгляд, требует междисциплинарного синтеза, учитывающего эмпирические закономерности социальной эволюции и философские учения, и релятивистского плюрализма, открывая путь к более адекватному пониманию сложной, многомерной природы исторического развития человечества.

Футурология, в свою очередь, пытается систематизировать эти разнородные представления, применяя методы моделирования, сценарного анализа и межкультурной сравнительной методологии. Однако ее претензии на научную строгость сталкиваются с фундаментальной неопределенностью исторического процесса, обусловленной наличием множества нелинейных, стохастических и субъективных факторов, включая свободу воли, моральные установки и религиозные убеждения.

Включение религиозного измерения в анализ может существенно обогатить философско-футурологическую проблематику [5]. Религиозные традиции, как правило, предлагают собственные нарративы о смысле истории – от линейно-эсхатологических до циклических. Эти нарративы не только формируют коллективные ожидания будущего, но и влияют на выбор стратегий развития, легитимацию власти и восприятие технологических и социальных трансформаций. В этом смысле религия выступает не просто как идеологический фон, но как активный фактор, участвующий в конструировании исторических сценариев.

Понятие будущего в различных философских и религиозных традициях отражает глубинные представления о природе реальности, человеческого существования и смысла жизни. В контексте буддийской мысли будущее не рассматривается как линейная перспектива прогресса или апокалиптического завершения, что характерно для некоторых монотеистических систем, но интерпретируется в рамках циклической космологии и этико-психологической динамики кармы. Буддийская картина мира предполагает особое понимание времени и перспективы будущего.

Цель данной статьи – проанализировать структуру и содержание образа будущего в буддийской традиции, выявить его онтологические и этические аспекты, а также рассмотреть его значение для современного философско-футурологического дискурса.

Онтология времени в буддизме

В буддийской философии время не рассматривается как абсолютная сущность, но как зависимо возникающее явление, обусловленное потоком сознания и процессами изменения. Центральное понятие буддийской онтологии – зависимое возникновение (пратитья-самутпада): «В абстрактной формулировке буддийская концепция причинности может трактоваться как идея взаимозависимого возникновения всего существующего мира – такая интерпретация является распространенной» [12, с. 162]. Оно означает, что ничто не существует само по себе, все возникает в зависимости от других явлений [2, с. 13]. И время – не исключение. Время не может существовать отдельно от событий. Время здесь – это не самостоятельная сущность, а способ измерять изменение: движение солнца, биение сердца, смену мыслей. Без изменений нет времени. А без сознания, фиксирующего эти изменения, нет и ощущения времени.

В отличие от западной науки и философии, где время часто считается базовой категорией бытия, буддизм подходит к нему с глубоким скепсисом. В платоновской, ньютоновской или даже кантинской моделях время рассматривается как априорная форма восприятия или объективная структура реальности, буддийская же философия предлагает радикально иное понимание его природы. Буддизм не отрицает существование времени как такового, но утверждает, что время – не вещь, а процесс, зависящий от сознания, причин и условий. В отличие от западных концепций времени как объективной реальности, буддизм подчеркивает его условный и субъективный характер. В рамках буддийской онтологии время не признается самостоятельной сущностью, но интерпретируется как условно существующий феномен, порождаемый динамикой психофизических процессов и зависимым возникновением. Время в буддизме – это, по сути, не отдельная сущность, а побочный эффект ума, который пытается упорядочить поток опыта.

В абхидхармической традиции время не включается в список дхарм – элементарных реальностей, анализируемых в «Абхидхарме». Это свидетельствует о его условной природе, т. е. о статусе концептуальной абстракции, необходимой для повседневного общения, но не обладающей онтологической самостоятельностью. В текстах Палийского канона время описывается как аспект дхарм – элементарных психофизических явлений, возникающих и исчезающих в зависимости от причин и условий.

Таким образом, будущее в буддийском понимании не является заранее заданной реальностью, но формируется текущими действиями (кармой) и состояниями сознания. Это положение находит отражение в учении о «трех временах» – прошлом, настоящем и будущем, – которые рассматриваются как взаимосвязанные аспекты одного

непрерывного процесса. Однако акцент делается на настоящем моменте как единственном доступном для осознания и действия.

В рамках философской системы мадхьямаки, разработанной Нагарджуной (II–III в. н. э.), категория времени подвергается радикальной деконструкции. Согласно его учению, три временных измерения – прошлое, настоящее и будущее – не обладают онтологическим статусом самостоятельных сущностей (свабхава). В трактате «Шуньятасалтати» («Семьдесят строф о пустоте») Нагарджуна утверждает, что «три времени не существуют [в действительности], поскольку они неустановимы, взаимоопределяемы, изменчивы, не могут быть определены через собственную природу и лишены сущностного бытия» [8, с. 215].

Центральным аргументом здесь является принцип взаимозависимого возникновения (пратитья-самутпада), согласно которому каждое из трех времен концептуально возникает лишь в отношении к двум другим. Настоящее определяется через прошлое и будущее, прошлое – через настоящее (как уже свершившееся), будущее – через настоящее (как ещё не наступившее). Следовательно, ни одно из временных измерений не может быть установлено как независимо существующее. Их бытие условно (праджняпти) и обусловлено когнитивными и лингвистическими конструкциями сознания.

Кроме того, временные категории характеризуются непрерывной трансформацией: они взаимно переходят друг в друга, что делает невозможным фиксацию какого-либо «наличного» или «сущностного» момента времени. Тем самым отрицается возможность существования времени как дискретной, стабильной или субстанциональной реальности.

Что касается времени как единого континуума, то и оно, согласно Нагарджуне, подлежит анализу через призму шуньяты (пустотности). Поскольку временной поток может быть мысленно разделен на бесконечное множество мгновений (кшана), ни одно из которых не обладает длительностью или неизменной природой, само понятие единого времени оказывается конвенциональным и лишённым онтологической основы [3, с. 48].

Итак, в философии Нагарджуны время не является фундаментальной категорией бытия, а представляет собой эпистемологическую конструкцию, возникающую в результате когнитивной деятельности и языкового различия. Его «существование» обусловлено исключительно зависимым и относительным характером всех феноменов.

Таким образом, буддизм не просто описывает время иначе, чем западные традиции, но систематически деконструирует его субстанциональный статус, раскрывая его как концептуальную конструкцию, необходимую для повседневного функционирования, но не отражающую окончательную реальность.

Карма и будущее: этическая детерминация судьбы

Хотя буддизм сомневается в реальности времени как такового, он серьезно относится к его практическим последствиям, особенно в контексте кармы. Карма является центральным механизмом, определяющим будущее индивида в буддийской картине мира: «Понятие кармы как непреложного закона воздаяния имеет в буддизме фундаментальное значение, будучи связанным с идеей неконтролируемых перерождений живых существ в сансаре и обоснованием возможности освобождения» [12, с. 160]. Карма представляет собой универсальный закон причинности, согласно которому добрые и злые действия порождают соответствующие последствия, проявляющиеся в этой или последующих жизнях. В отличие от механистического детерминизма, карма предполагает этическую нагрузку: действия, совершенные в настоящем, порождают последствия, которые реализуются во времени, формируя судьбу человека в текущей или последующих жизнях. Каждое наше действие (мысль, слово, поступок) оставляет след, который влияет на будущее. Причем это будущее может наступить в этой жизни или в следующих. В «Ангуттара-Никае» говорится: «И где бы существа ни появились на свет, там и созреют их действия; а где бы ни созрели их действия, там они и будут пожинать плоды тех действий, будь то

в этой жизни, или будь то в следующей жизни, или в любой из будущих жизней» [10]. Таким образом, даже если время подобно иллюзии, его психологическая и моральная реальность остается важной.

Согласно буддизму, важно понимать, что будущее не предопределено. Будущее – это поле возможностей, формируемое нашими текущими выборами. Карма не является роком или предопределенением, но указывает на вероятностную детерминацию будущего в зависимости от накопленных склонностей и поступков. Судьба в контексте кармической теории не понимается как жестко предопределенный путь, но как траектория, формируемая совокупностью прошлых действий. При этом будущее остается частично открытым, поскольку текущие действия создают новые кармические семена, которые могут изменить ход судьбы. Таким образом, карма представляет собой форму условной детерминации, которая обусловлена этическим выбором. При этом буддизм отвергает крайние формы детерминизма, придерживаясь принципа «срединного пути». Человек не является пассивным носителем кармы, но может, через осознанное усилие, медитацию и нравственную практику изменить кармический вектор.

Буддийская духовная практика направлена на то, чтобы осознанно формировать это будущее, избегая страданий и приближаясь к освобождению. В буддизме подчеркивается ответственность личности за свою судьбу. Поскольку каждый индивид является автором своих действий, он не может возлагать ответственность за свои страдания на богов, судьбу или внешние обстоятельства. «Революционная новизна учения Будды о карме состояла прежде всего в том, что карма как естественный закон причинно-следственной связи между действиями живых существ и их последствиями исключает веру в существование Бога-Творца. Ибо миры создаются кармой» [12, с. 161].

Фактически, учение о карме вводит этику в некий онтологический закон, делая мораль не просто социальным регулятором, но и основополагающим фактором, формирующим реальность. Это имеет важные последствия для понимания будущего. Карма, будучи законом причинности с этической нагрузкой, устанавливает онтологическую связь между нравственным выбором и будущим. При этом она сохраняет пространство для свободы, поскольку текущие действия могут изменить кармический вектор.

Будущее в кармической перспективе не является заранее заданным, но детерминируется этически. То есть его форма зависит от морального качества действий в настоящем. Такой подход противопоставляется как теистическим моделям, где будущее определяется божественным пророчеством, так и секулярным моделям, где будущее обусловлено исключительно социальными или биологическими факторами. Кармическая детерминация не сводится к простому «возмездию». Она не предполагает внешнего судьи или системы наказаний. Карма функционирует как имманентный закон, подобный гравитации: она не карает, а просто реализует последствия действий.

Будущее, таким образом, не фиксировано, но является полем возможностей, формируемых через сознательный выбор и нравственное поведение. Буддийская этика, выраженная в десяти заповедях и Восьмеричном Благородном Пути, служит руководством к действиям, способным привести к благоприятному будущему, как в плане перерождения в более высоких сферах бытия (люди, боги, полубоги), так и в направлении окончательного освобождения.

Цикличность бытия и социоисторическое учение буддизма

Проблема будущего в западной философии традиционно связывается с линейной концепцией времени, в которой будущее представляется как неопределенный, но потенциально достижимый горизонт, обусловленный прогрессом, технологическим развитием или историческим движением. В западной культуре время часто изображают как прямую линию: от сотворения мира к концу света, от рождения к смерти [13, с. 450].

В буддизме же время циклично. Будущее в буддизме встраивается в широкую космологическую структуру – сансару, цикл рождений и смертей, движимый неведением (авидьей), жаждой (траншей) и кармой, где времененная ось не ведет к прогрессу, а повторяется в бесконечной череде рождений, страданий и умираний. Сансара не имеет начала в историческом смысле и продолжается до тех пор, пока не будет достигнуто освобождение.

В этой модели будущее представляется как бесконечная череда перерождений в шести сферах существования: богов, полубогов, людей, животных, голодных духов и обитателей адов. Все существа блуждают в сансаре, бесконечном цикле рождений и смертей, движимом неведением, страстью и гневом. Этот цикл не имеет ни начала, ни конца, он просто есть, как колесо, которое крутится до тех пор, пока не будет остановлено.

Согласно буддизму, каждое будущее рождение определяется кармическим потенциалом, накопленным в предыдущих жизнях. При этом буддизм не рассматривает сансару как наказание, но как следствие непросветленного состояния сознания. Будущее, следовательно, включает в себя не только возможность страдания, но и потенциал для духовного роста. Важно, что даже благоприятные перерождения (например, среди богов или полубогов) не являются окончательным решением, поскольку они временны.

В рамках буддийской философской системы история человечества также концептуализируется как циклический процесс, который подчиняется закономерностям, обусловленным кармической детерминацией коллективного существования. Наиболее ранние систематические представления о данной модели содержатся в канонических текстах раннего буддизма, в частности в «Сутре о монархе-чакравартине» [6, с. 193]. В отличие от более поздних космологических схем, данный текст предлагает историософскую конструкцию, структурированную по параболической модели: восходящая фаза (эпоха духовного и материального расцвета) сменяется фазой деградации и упадка.

Данная схема получила дальнейшую теоретическую разработку в каноническойcommentаторской литературе, посвященной аналитическому и систематизирующему изложению буддийской доктрины. Кульминацией этой традиции стал труд ачары Васубандху (IV–V вв. н. э.) «Сокровищница Абхидахармы», в котором последовательно излагаются принципы буддийской космологии, социогенеза и эсхатологии. Примечательно, что социоисториологическая проблематика включена автором в раздел, посвященный онтологии и устройству мира, что свидетельствует о фундаментальной роли социальной доктрины в общей архитектонике буддийской философии: социальные процессы рассматриваются не как эмпирические явления, а как проявления трансцендентальных законов бытия, прежде всего коллективной кармы.

Согласно данной модели, начальный этап существования человеческого общества характеризуется совокупностью признаков, соответствующих архетипу «золотого века»: верховная власть принадлежит царям-чакравартинаам, правящим в строгом соответствии с Дхармой; население отличается долголетием, физическим совершенством и духовной гармонией. Однако с течением времени происходит постепенная деградация общества, обусловленная возникновением и распространением негативных ментальных факторов – лжи, зависти, жадности, насилия. Эти изменения сопровождаются сокращением продолжительности жизни, ухудшением физического облика людей и дезинтеграцией социальных институтов. Ключевым моментом в этом процессе является духовное падение последнего праведного чакравартина, отказавшегося от следования Дхарме, что символизирует крах этико-политического фундамента общества.

Таким образом, циклическая модель исторического развития в буддизме представляет собой процесс формирования и последующего распада социальной системы, в которой институт чакравартинов выполняет функцию морально-политического регулятора, временно сдерживающего деградацию. Однако в силу необратимости

кармических законов, определяющих коллективную судьбу человечества, данный институт неизбежно терпит крах. Результатом становится нарастание социальной дисгармонии и антропологическая дегенерация, кульминацией которых в рамках каждой махакальпы (великой космической эпохи) становится эсхатологическое завершение исторического цикла – «конец истории», предшествующий началу нового цикла возрождения.

Согласно учению Васубандху, дальнейшая динамика исторического развития человечества подчиняется циклической модели, в рамках которой доминирующей тенденцией выступает не прогрессивная эволюция, а постепенная деградация. На завершающем этапе этого процесса продолжительность жизни человека сокращается до десяти лет, а социум характеризуется тотальным моральным разложением, доминированием алчности, заблуждений и аморальных тенденций. В этот период происходит утрата базовых производственных навыков, разрушение институтов цивилизации и почти полное исчезновение этических норм, что приводит к состоянию социального хаоса. Кульминацией деградационного цикла, согласно буддийской эсхатологической традиции, является так называемое «время мечей» (*Sattāntika-kāla*), в котором реализуется модель тотального конфликта – «войны всех против всех» [6, с. 205]. Здесь можно вспомнить концепцию «естественного состояния» Т. Гоббса, в которой «война всех против всех» характеризует общества до заключения «общественного договора» и образования государства. В этот период наблюдается массовое взаимоуничтожение людей, что служит катализатором последующей трансформации.

По завершении этого кризиса происходит коллективное осознание необходимости нравственного возрождения, что инициирует восходящую фазу цикла. Продолжительность жизни начинает неуклонно возрастать, параллельно с чем происходит постепенное восстановление духовно-нравственных ценностей и социальных институтов. В результате последовательного духовного и социального прогресса общество проходит ряд этапов регенерации, завершающихся возвращением в эпоху «золотого века», характеризующуюся гармонией, справедливостью и духовным просветлением. В этот период появляется идеальный правитель – чакраварти, символизирующий универсальную власть, основанную на дхарме. Впоследствии он передает управление миром Будде Майтре – будущему просветленному, чье появление знаменует наступление новой эры духовного совершенства [6, с. 205].

С позиций буддийской антропологии современный исторический период рассматривается как эпоха упадка, в которой доминируют процессы физической и духовной деградации. Соответственно, в рамках данной парадигмы историческое развитие понимается не как линейный прогресс, а как циклический процесс, включающий чередование фаз упадка и возрождения. Подобная концепция находит параллели в учениях неоплатоников и гностиков, также отвергавших идею необратимого прогресса и акцентировавших внимание на спиральной или циклической природе истории. Современные альтернативные теории, такие как концепция «деволюции» Майкла Кремо [7], также репрезентируют критику дарвинистской модели эволюции и предлагают ретроградную или циклическую интерпретацию антропогенеза, что делает их в определенной мере сопряженными с буддийской антропологической традицией.

Таким образом, ранний буддизм формирует концептуальную модель исторического процесса, принципиально отличную от доминирующей в западной традиции парадигмы линейного прогресса. Вместо нее предлагается циклическая схема, в которой общественное развитие не предполагает необратимого улучшения, а подчинено закономерностям упадка и последующего возрождения. Данная модель исключает из своего понятийного аппарата идею «прогресса» как универсальной категории, заменяя её понятием «духовного обновления», достижимого лишь через осознанное возвращение к этическим практикам.

Нирвана как трансцендирование будущего

Наивысшая цель буддийского пути – достижение нирваны (nibбана в пали), что буквально означает «угасание» – прекращение страстей, ненависти и неведения.

Строго говоря, в нирване нет понятия будущего, поскольку она представляет собой выход за пределы временной категории, включая будущее. В «Ниббана сутте» Будда описывает нирвану как «рожденное, неустановленное, несотоворенное, не сконструированное», тем самым указывая на ее трансцендентный характер [9]. Ученый Буддагоса в комментариях к «Абхицхамматхасангхе» Ануратхи пишет, что «Ниббāна является вневременной, потому что ее реальная природа (сабхāva) не содержит в себе возникновения, изменения и исчезновения; концепции вневременные, потому что они лишены внутренней сущностной природы» [1].

Таким образом, образ будущего в буддизме имеет двойственную природу: с одной стороны, он включает бесконечные перспективы перерождений в сансаре; с другой – указывает на возможность радикального преодоления временного существования. Нирвана не есть будущее состояние, а, скорее, устранивание самой необходимости будущего, поскольку прекращается цикл становления и желания.

Будда Майтрея и проблема будущего в буддизме

Как уже отмечалось, в буддийской философии будущее традиционно рассматривается как проявление циклического бытия. Однако в рамках буддийской традиции существует концепция будущего, которая вносит в буддийскую онтологию элемент линейной, квази-эсхатологической временной оси. Даная концепция связана с фигурой бодхисаттвы Майтреи – будущего Будды, который, согласно пророчествам, явится в мире после угасания учения Будды Шакьямуни.

Фигура Майтреи (Maitreya, от санскритского *maitrī* – «доброта, сострадание») упоминается в канонических текстах как будущий Будда, который достигнет просветления после Шакьямуни. В Чаккавати Сиханада сутте Будда прямо указывает на существование будущего просветленного: «При людях с жизненным сроком в восемьдесят тысяч лет, о монахи, появится в мире Блаженный по имени Майтрея – святой, истинновсепросветленный, совершенный в ведении и поведении, пришедший во благе... Он преподает дхарму прекрасную в начале, прекрасную в середине, прекрасную в конце, благую по смыслу и выражению, полную и законченную, совершенно чистую, (ведущую) к брахманскому житию, – так же как я теперь преподаю дхарму прекрасную в начале, прекрасную в середине, прекрасную в конце, благую по смыслу и выражению, полную и законченную, совершенно чистую, (ведущую) к брахманскому житию. Он поведет за собою многотысячную общину монахов, так же как я теперь веду за собою многосотенную общину монахов» [14]. Отмечается, что в настоящее время будущий Будда проживает в небесном мире Тушита. В традиции Махаяны, особенно в китайском и тибетском буддизме, Майтрея приобретает статус не только будущего Будды, но и наставника в рае Тушита, где он пребывает в ожидании своего нисхождения. В отличие от тхеравады, которая считает Майтрею бодхисаттвой, махаянская традиция полагает, что Майтрея уже достиг просветления и является Буддой.

Важно отметить, что образ Будды Майтреи не является уникальным явлением: в буддийской космологии существует представление о цикле Будд, появляющихся в разные кальпы. Однако его особое значение заключается в том, что он – следующий Будда в текущей кальпе, предсказанный самим Буддой Шакьямуни, что придает его фигуре особую легитимность и символическую нагрузку.

Его появление связано с конкретными космическими и социальными условиями: упадком дхармы, моральным разложением, укорочением продолжительности жизни. Приход Майтреи становится знаком возрождения – момента, когда праведность, сострадание и истинное учение будут восстановлены. Этот сценарий напоминает эсхатологические мотивы других религиозных традиций (например, второе пришествие Христа или приход Махди). Некоторые исследователи, усматривают определенное сходство между образами Майтреи в буддизме и Калки-аватара в индуизме [4, с. 89]. Однако в буддизме учение о Майтреи не предполагает божественного вмешательства или окончательного суда. Напротив, появление Майтреи – результат кармических условий и коллективных усилий буддийской общины (сангхи).

Таким образом, Майтрея – не пассивный спаситель, но ответ на нравственную готовность человечества.

Фигура Майтреи позволяет буддизму ввести понятие ответственного будущего. В отличие от чисто циклической модели, где будущее – это автоматическое следствие прошлого, концепция Майтреи делает будущее коллективной задачей. Оно не наступит само по себе, но станет возможным только при определенных условиях: нравственном пробуждении, распространении дхармы, развитии сострадания. Этот подход перекликается с современными этическими концепциями устойчивого будущего, где будущее рассматривается как результат сегодняшних решений. В этом смысле Майтрея – не мифологический персонаж, но архетип ответственности, напоминающий, что будущее освобождение зависит от нынешнего поведения.

Фигура Будды Майтреи представляет собой уникальный синтез циклической и линейной моделей времени в буддийской мысли. С одной стороны, она вписана в циклическую космологию сансары; с другой – вводит некий элемент эсхатологической надежды.

Выводы

Таким образом, образ будущего в буддийской картине мира отличается от линейно-прогрессивных моделей, характерных для западной философии и теологии. Он строится на принципах цикличности, этической причинности и трансцендентного освобождения. Будущее в буддизме – это не предопределенная судьба, но поле действия, формируемое кармой и осознанным выбором. Оно включает как потенциал страдания в бесконечных перерождениях сансары, так и возможность выхода за пределы времени через достижение нирваны.

Таким образом, буддийский взгляд на будущее сочетает в себе глубокую онтологическую рефлексию и практическую этику. Он предлагает альтернативную модель временной реальности, в которой будущее не дано, но создается в каждом моменте сознательной жизни. Это представление сохраняет актуальность в современных дискуссиях о свободе воли, ответственности и смысле человеческого существования.

Список источников

1. Ануруддха, А. Исчертывающее руководство по Абхидхамме / А. Ануруддха. – URL: https://abhidhamma.ru/wp-content/uploads/2017/11/Sangaha_8_11_2017.pdf (дата обращения: 02.09.2025).
2. Бережной, С. Б. Учение о взаимозависимом возникновении в буддийской философии / С. Б. Бережной // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 2. – С. 13–18.
3. Васькин, А. А. Пространство и время в буддийской картине мира / А. А. Васькин, М. С. Уланов // Вестник Калмыцкого университета. – 2013. – № 3 (19). – С. 46–49.
4. Иванова, А. С. Эсхатологическое содержание образов Калки и Будды Майтреи: компартиативный анализ / А. С. Иванов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2017. – № 72. – С. 89–102.
5. Казначеев, В. П. Проблемы футурологии (Вера, религия, наука) / В. П. Казначеев // Казначеевские чтения. – Новосибирск : Западно-Сибирское отд. Международной славянской академии наук, 2009. – Т. 2. – С. 23–37.
6. Кравцова, М. Е. Концепция верховной власти и образ вселенского правителя в буддийской культуре / М. Е. Кравцова // Религия и культура. Россия, Восток, Запад. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. – С. 184–224.
7. Кремо, М. Деволюция человека: ведическая альтернатива теории Дарвина / М. Кремо. – Москва : Философская книга, 2006. – 795 с.
8. Лепехов, С. Ю. Философия мадхьямиков и генезис буддийской цивилизации / С. Ю. Лепехов. – Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отд. РАН, 1999. – 236 с.
9. Нибана сутта: Полное Освобождение. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/ud8_3-nibbana-III-sv.htm (дата обращения: 02.09.2025).
10. Слово Будды Обзор учения Будды словами Палийского канона. – URL: <https://theravada.world/nianatiloka-thera-slovo-buddy/> (дата обращения: 02.09.2025).

11. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – Москва : Академический проект, 2021. – 800 с.
12. Урбанаева, И. С. Философское обоснование учения о карме в Абхидхарме и Мадхьямаке / И. С. Урбанаева // Вопросы философии. – 2025. – № 7. – С. 159–169. – doi: 10.21146/0042-8744-2025-7-159-169.
13. Цю, Т. Формирование циклического и линейного представлений о времени в восточной и западной цивилизациях / Т. Цю // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 449–451. – doi: 10.24412/1991-5497-2024-4107-449-451.
14. Чаккаватти Сиханада сутта (Львиный рынок миродержца). – URL: <https://www.dhamma.ru/canon/dn/dn26.htm> (дата обращения: 02.09.2025).
15. Шпенглер, О. Закат Европы: образ и действительность / О. Шпенглер. – Москва : ACT, 2024. – 911 с.

References

1. Anuruddkha, A. *Ischerpyvayushchee rukovodstvo po Abkhidxamme* [Comprehensive Guide to Abhidhamma]. Available at: https://abhidhamma.ru/wp-content/uploads/2017/11/Sangaha_8_11_2017.pdf (accessed: 02.09.2025).
2. Berezhnoy, S. B. Uchenie o vzaimozavisimom vozniknovenii v buddiyskoy filosofii [The Doctrine of Dependent Origination in Buddhist Philosophy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika"* [Bulletin of the Saratov University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. 2011, vol. 11, no. 2, pp. 13–18.
3. Vaskin, A. A., Ulanov, M. S. Prostranstvo i vremya v buddiyskoy kartine mira [Space and Time in the Buddhist Picture of the World]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University]. 2013, no. 3(19), pp. 46–49.
4. Ivanova, A. S. Eskhatologicheskoe soderzhanie obrazov Kalki i Buddy Maytrei: komparativnyy analiz [Eschatological Content of the Images of Kalki and Buddha Maitreya: A Comparative Analysis]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie"* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series "Theology. Philosophy. Religious Studies"]. 2017, no. 72, pp. 89–102.
5. Kaznacheev, V. P. Problemy futurologii (Vera, religiya, nauka) [Problems of Futurology (Faith, Religion, Science)]. *Kaznacheevskie chteniya* [Kaznacheev Readings]. Novosibirsk: West Siberian Branch of the International Slavic Academy of Sciences; 2009, vol. 2, pp. 23–37.
6. Kravtsova, M. E. Kontsepciya verkhovnoy vlasti i obraz vselenskogo pravitelya v buddiyskoy kulture [The concept of supreme power and the image of the universal ruler in Buddhist culture]. *Religiya i kultura. Rossiya, Vostok, Zapad* [The Concept of Supreme Authority and the Image of the Universal Ruler in Buddhist Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2003, pp. 184–224.
7. Kremo, M. *Devolyutsiya cheloveka: vedicheskaya alternativa teorii Darvina* [Human Devolution: A Vedic Alternative to Darwin's Theory]. Moscow: Filosofskaya kniga; 2006, 795 p.
8. Lepexov, S. Yu. *Filosofiya madhyamikov i genezis buddiyskoy tsivilizatsii* [Madhyamika Philosophy and the Genesis of Buddhist Civilization]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Department of the RAS; 1999, 236 p.
9. *Nibbana sutta: Polnoe Osvobozhdenie* [Nibbana Sutta: Complete Liberation]. Available at: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/ud8_3-nibbana-III-sv.htm (accessed: 02.09.2025).
10. *Slovo Buddy Obzor ucheniya Buddy slovami Paliyskogo kanona* [The Word of the Buddha. An overview of the Buddha's teachings in the Pali Canon]. Available at: <https://theravada.world/nianatiloka-thera-slovo-buddy/> (accessed: 02.09.2025).
11. Toyntbi, A. Dzh. *Postizhenie istorii* [Understanding History]. Moscow: Akademicheskiy proekt; 2021, 800 p.
12. Urbanaeva, I. S. Filosofskoe obosnovanie ucheniya o karme v Abkhidharme i Madhyamake [Philosophical Justification of the Doctrine of Karma in Abhidharma and Madhyamaka]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2025, no. 7, pp. 159–169, doi: 10.21146/0042-8744-2025-7-159-169.
13. Tsyu, T. Formirovanie tsiklicheskogo i lineynogo predstavleniy o vremeni v vostochnoy i zapadnoy tsivilizatsiyakh [The Formation of Cyclical and Linear Concepts of Time in Eastern and Western Civilizations]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education]. 2024, no. 4 (107), pp. 449–451, doi: 10.24412/1991-5497-2024-4107-449-451.

14. *Chakkavatti Sihanada sutta (Lvinyy ryk miroderzhtsa)* [Cakkavatti Sihanada Sutta (The Lion's Roar of the Ruler of the World)]. Available at: <https://www.dhammad.ru/canon/dn/dn26.htm> (accessed: 02.09.2025).

15. Shpengler, O. *Zakat Evropy: obraz i deystvitelnost* [The Decline of Europe: Image and Reality]. Moscow: AST; 2024, 911 p.

Информация об авторах

Уланов М. С. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник;
Лиджисев Т. С. – младший научный сотрудник.

Information about the authors

Ulanov M. S. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher;
Lidzhiev T. S. – Junior Research Fellow.

Вклад авторов

Уланов М. С. – разработка концепции исследования, написание исходного текста, итоговые выводы;

Лиджисев Т. С. – сбор и первичный анализ эмпирического материала исследования.

Contribution of the authors

Ulanov M. S. – development of the study concept, writing of the original text, and final conclusions;

Lidzhiev T. S. – collection and initial analysis of the empirical research data.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 04.09.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.